

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ

В. Ю. Копров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 мая 2018 г.

Аннотация: в статье на материале трех разноструктурных языков – русского, английского и венгерского – рассматривается семантика, формы выражения и особенности функционирования грамматической категории залога. Описание производится с использованием методики поаспектного анализа семантико-структурного устройства и функционирования предложения.

Ключевые слова: семантико-функциональная грамматика, категория залога, активность агенса, пассивность агенса.

Abstract: the article describes the semantics, forms and function of the grammatical category of voice on the material of three typologically different languages – Russian, English and Hungarian. The analysis of semantic-structural organization and functioning of the sentence is undertaken with the use of the aspect-by-aspect methodology.

Key words: semantic-functional grammar, the category of voice, active agent, passive agent.

Ученые, занимающиеся проблемами анализа устройства и функционирования предложения языков различного строя, сталкиваются с рядом вопросов. Чем отличается глубинное (семантическое) представление структуры предметной ситуации от ее поверхностного (синтаксического) представления? Почему не все компоненты семантической структуры предложения эксплицитно реализуются в его синтаксической структуре? Что вызывает необходимость синтаксических перестроек, изменяющих исходное семантическое представление кодируемой предметной ситуации в синтаксической конструкции? Каков лингвистический механизм этих преобразований и как особенности этого механизма проявляются в синтаксисе того или иного языка?

Обзор литературы вопроса показывает, что в синтаксических работах часто смешиваются такие понятия, как логический субъект, носитель признака, семантический субъект, подлежащее, тема высказывания и т. д. Эта путаница, на наш взгляд, является следствием того, что три ряда понятий – семантических (семантические актанты), конструктивных (синтаксические позиции) и функциональных (тема – рема) – ученые по-разному соотносят друг с другом, в том числе напрямую, без учета их взаимодействия с **грамматическими категориями предложения** [1, с. 32–36]. См. в этой связи высказывание Р. Лангакера о том, что человек способен описывать одну и ту же ситуацию разными языковыми формами: «Вооб-

ражение играет значительную роль в восприятии и ведет к разному членению ситуации, от него зависит, что выступит при ее описании в качестве фона, а что – в качестве фигуры, на чем будет сосредоточено внимание, и с какой степенью детальности она будет представлена» [2, р. 120–139].

Мы исходим из положения о том, что оформление семантических актантов в предложении осуществляется в соответствии с их ролями в семантической структуре предложения, с семантикой компонентов «категориально-грамматической рамки» и с коммуникативной перспективой, накладываемой на актанты в процессе порождения высказывания. В данной статье с указанных выше теоретических позиций мы рассмотрим важнейшую категорию в семантико-функциональной грамматике русского, английского и венгерского языков – грамматическую категорию **залога**.

Разделяемая нами трактовка категории залога восходит к высказыванию В. А. Богородицкого о том, что если действительный залог обозначает действие, которое производится субъектом над кем-либо или чем-либо, то это же самое действие может быть представлено и со стороны испытывающего его объекта; глагольные выражения такого обратного действия носят название страдательного залога [3, с. 165]. Нас в первую очередь интересует то, чем действительная (активная) конструкция отличается в семантическом плане от страдательной (пассивной). В том, что такие различия – не некий лингвистический конструкт, а языковая реальность, убеждает само существование

и вариантное функционирование противопоставленных по залогу конструкций во всех языках номинативного строя.

1. Залог – это **синтактико-морфологическая категория**, поэтому ее анализ неразрывно сопряжен с изучением семантико-структурного устройства предложения. При этом синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсалией, а морфологическая в довольно широких пределах варьирует от языка к языку.

2. Ситуативно-релятивная сущность категории залога заключается в возможности **изменять соотношение** между двумя рядами компонентов: актантами семантической структуры и компонентами синтаксической структуры предложения – подлежащим и дополнением (дополнениями). Действительный и страдательный залоговые конструкции позволяют говорящему по-разному представить в предложении одни и те же семантические актанты – субъект и объект (объекты). Из этого, в свою очередь, следует, что категориальную залоговую характеристику актанты получают в том случае, если в семантической структуре предложения их не менее двух.

3. Категорией залога выражается разная **грамматическая направленность** выражаемого в предложении предикативного признака по отношению к его носителю – подлежащему и второму обязательному компоненту предложения – дополнению. Как отметил А. В. Бондарко, при активе субъект интерпретируется как независимая субстанция – носитель предикативного признака, объект – как субстанция, зависимая от предикативного признака, а понятие действия – как предикативный признак с **центробежной** направленностью (имеется в виду направленность содержания предикативного признака по отношению к содержанию его носителя, занимающего позицию центра предложения – подлежащего). При пассиве как независимая субстанция – носитель предикативного признака – интерпретируется не субъект, а объект; субъект представлен косвенным дополнением как зависимая субстанция, занимающая периферийное положение в содержательно-синтаксической структуре предложения. Понятие действия при этом интерпретируется как предикативный признак с **центростремительной** направленностью [4, с. 59–60].

Опираясь на вышеизложенное, мы определяем грамматическую семантику актантов, приобретаемую ими в активных (*Мальчик сломал игрушку*) и пассивных (*Игрушка была сломана мальчиком*) конструкциях, следующим образом.

Оба предложения выражают одну и ту же **семантическую структуру** «субъект (агенса) – физическое воздействие – объект (пациенса)».

В действительной (активной) конструкции в качестве носителя глагольного признака – подлежаще-

го – выступает агенс, в качестве зависимой субстанции – дополнения – представлен пациенс. Грамматическая направленность признака от подлежащего к дополнению – «центробежность» – **совпадает** здесь с ситуативной (реальной) направленностью действия от агенса к пациенсу. Тем самым ситуативная роль агенса как производителя признака получает грамматическую поддержку, т. е. усиливается, и агенс в позиции подлежащего приобретает залоговый признак «**активность**». Ситуативная роль пациенса как предмета, подвергнутого физическому воздействию, так же грамматически подчеркивается, и пациенс характеризуется как «**пассивный**» участник кодируемой предложением ситуации.

В страдательной (пассивной) конструкции в качестве носителя признака – подлежащего – выступает пациенс, а производитель действия – агенс – представлен дополнением как зависимый синтаксический компонент. Грамматическая направленность признака – «центробежность» – здесь **противоположна** его ситуативной направленности, которая выглядит как «центростремительная» (от дополнения к подлежащему). Тем самым пациенс в позиции подлежащего грамматически как бы активизируется, а производитель воздействия – агенс – в позиции дополнения «**пассивизируется**».

Схематично описанную выше залоговую семантику актантов можно представить следующим образом:

Активная конструкция

агенса	–	воздействие	→	пациенса
<i>Мальчик</i>		<i>сломал</i>		<i>игрушку</i>
подлежащее	–	сказуемое	→	дополнение
« активность »				« пассивность »

Пассивная конструкция

пациенса	←	воздействие	–	агенса
<i>Игрушка</i>		<i>сломана</i>		<i>мальчиком</i>
подлежащее	→	сказуемое	–	дополнение
« активность »				« пассивность »

Как известно, в русском языке в зависимости от видовременной семантики признакового компонента (глагола) пассивное значение выражается двумя конструкциями – вербальной (глагольной): *Книга читается девочкой* и партиципальной (причастной): *Игрушка была сломана мальчиком*.

В аспекте актуального членения высказывания и категории порядка слов как одного из средств его выражения в активной конструкции порядок слов обычно прямой. При этом семантический субъект, находящийся в начальной позиции подлежащего, выступает как «тема» высказывания, а объект, стоя-

щий в конечной позиции дополнения, выступает как «рема»:

Девочка читает книгу

Тема **Рема**

В трехчленном пассиве с прямым порядком слов темой высказывания становится объект, а субъект перемещается в рематичную позицию:

Книга читается девочкой

Тема **Рема**

Однако в русском языке вследствие относительно свободного порядка слов изменение коммуникативной нагрузки актантов при залоговых преобразованиях не обязательно. За счет инверсии компонентов высказывания коммуникативная перспектива, свойственная активной конструкции, может передаваться пассивной и наоборот, ср. активные и пассивные предложения: *Девочка читает книгу* – *Девочкой читается книга*; *Книга читается девочкой* – *Книгу читает девочка*.

В английском языке категория залога представлена одной оппозицией форм: активная вербальная конструкция / пассивная партиципиальная конструкция: *The boy broke the toy* (*Мальчик сломал игрушку*) – *The toy was broken by the boy* (*Игрушка была сломана мальчиком*).

Как в русском языке, субъект в активной конструкции выступает как грамматически активный, а в пассивной – как пассивный. Объект, соответственно, также имеет в залоговых конструкциях противоположные грамматические признаки: «пассивность» в активной конструкции и «активность» – в пассивной.

Как показывает анализ фактического материала, категория английского залога отличается от русской более широкой сферой функционирования, которая охватывает следующие дополнительные области.

1. В позиции носителя грамматического признака (подлежащего) в английском пассиве может выступать любой семантический актант:

а) объект, выраженный не только прямым, но и косвенным дополнением: *It was thought about* (*Об этом подумали*);

б) залоговые преобразования здесь возможны по отношению не к двум актантам, как в русском языке (субъекту и объекту), а к трем: субъекту, объекту и адресату: *The teacher gave me the book* / *The teacher gave the book to me* (*Учитель дал мне книгу*) – *The book was given to me (by the teacher)* – *I was given the book (by the teacher)*;

в) в английском пассиве может употребляться конструкция с локализатором: *This room was not lived in* (*В этой комнате не жили*).

2. Наблюдается более частотное использование пассивной конструкции с имплицитным (неопределенным, обобщенным) субъектом – так называемого

двучленного пассива: *The dinner wasn't eaten* (*Обед не был съеден*).

3. В английском языке, с его более фиксированным порядком слов, пассивные конструкции чаще, чем в других сопоставляемых языках, используются именно для передачи актуального членения высказывания. Так, еще Х. Поутсма обратил внимание на то, что в трехчленном пассиве целью сообщения становится действующее лицо [5, p. 101].

Актуальное членение активной конструкции выражается схемой: (Агенс) Тема – (Пациенс) Рема, например: *MacDonald touched his hat* (A. Christie). Изменение актуальной перспективы, связанное с инверсией актантов в структуре высказывания, часто требует использования трехчленной пассивной конструкции: *The door was opened by a girl* (J. Priestley). Однако для актуализации агенса может также использоваться специальная выделительная конструкция *It is ... that / who ...*:

Дверь им открыла Лиза (Д. Гранин) → *The door to them was opened by Liza* / *It was Liza who opened the door to them*.

При переводе русских залоговых высказываний с прямым порядком слов трудностей, как правило, не возникает. Сложности могут иметь место при переводе русских высказываний с инвертированным порядком слов: стараясь сохранить актуальное членение оригинала, переводчики изменяют его залоговую семантику. Ср.:

а) русская активная → английская пассивная конструкция: *Товар увезли позавчерашней ночью два старых маклака из Зареченска* (Ю. Герман) → *The goods had been taken away in lorries the night before last by two old dealers from Zarechensk*;

б) русская пассивная → английская активная конструкция: *Под Воронежем красной конницей товарища Будённого наголову разбиты два кавалерийских корпуса белых – Мамонтова и Шкуро* (К. Федин) → *The Red Cavalry troops of comrade Budyonny have completely routed the White Cavalry of Mamontov and Shkuro near Voronezh*.

Имеются, однако, документированные примеры перевода русских инвертированных залоговых конструкций одноименными английскими, но без инверсии, т. е. с измененным актуальным членением:

русская активная → английская активная конструкция: *Лагерь для врачей уже разворачивал «квартирмейстер» отряда доктора Лобода* (Ю. Герман) → *Dr. Loboda's "quartermaster corps" was already pitching camp for the medical personnel*.

Таким образом, в семантико-функциональном синтаксисе английского языка категория залога играет более важную роль, чем в русском языке, поскольку выполняет и функции, связанные в русском языке с другими категориями предложения (личностью /

безличностью и определенностью / неопределенностью актантов). Более тесно английские залоговые преобразования связаны и с актуализирующей категорией порядка слов.

В венгерском языке сам факт наличия грамматической категории залога часто ставится под сомнение. Как отметил А. Шальга, само слово «залог» на венгерский язык не переводится: ни один вариант его перевода (*igéalak, változat*) не может адекватно передать сущность этого термина. Как полагает исследователь, поскольку действительные формы глагола здесь не противопоставляются страдательным формам в рамках залоговых значений, венгерскому глаголу категория залога не присуща [6, с. 51].

Ф. Папп, сопоставив русские залоговые конструкции с их венгерскими соответствиями, сделал вывод о том, что в венгерском языке «мы имеем дело, собственно говоря, не с категорией залога: переходные или непереходные глаголы выступают в тех или иных причастных формах и сохраняют при этом свою переходность или непереходность. Эта их черта через призму окружающих нас индоевропейских языков, в том числе и русского, может восприниматься как залоговое значение» [7, с. 409, 483].

Л. Дэжэ, с одной стороны, отмечает, что венгерский язык не имеет парадигматического оформления страдательного залога, и следовательно, пассивных конструкций в нем нет. С другой стороны, автор признает возможность преобразования исходной (активной) диатезы в пассивную и приводит много примеров такого преобразования. Например, русскому двучленному пассиву с глаголом несовершенного вида типа *Дом строится* соответствуют две венгерские конструкции: а) деепричастная: *A ház épül*; б) неопределенно-личная: *A házat építik*. Однако в целом венгерский язык, по мнению автора, противопоставляется русскому и английскому как язык без пассивных конструкций [8, с. 22–25].

Можно согласиться с исследователями, которые полагают, что в современном венгерском языке категория залога среди грамматических категорий глагола отсутствует. Во-первых, залоговые оттенки значения обозначаются здесь множеством глагольных суффиксов. Во-вторых, выражение грамматической направленности действия не связано с какими-либо особыми формами глаголов.

Признаком страдательных глаголов является то, что в 3-м лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения в безобъектном спряжении они получают суффиксы, которые могут присоединяться к любому переходному глаголу: *épit – építetik* (*строит – строится*); *mond – mondatik* (*говорит – говорится*). Страдательный глагол в предложении выражает действие, которое совершает не актант (объект), занимающий позицию подлежащего,

а кто-то другой: *A fiú megdicsértetik* (*Мальчика хвалят*; буквально – **Мальчик хвалится кем-то*). Однако такие формы в современном венгерском языке изредка встречаются только в деловых и юридических документах [9, с. 102–103].

В современном венгерском языке наблюдается тенденция употреблять вместо страдательных глаголов возвратные. Однако у возвратных глаголов значение несколько иное, чем у страдательных. Ср. предложения с пассивной и возвратной формами глагола: *Az ügy elintéztetett* (*Дело было решено*) – *Az ügy elintéződött* (*Дело решилось*). Второе предложение означает, что дело получило свое разрешение как бы само собой, в то время как страдательные глаголы обозначают действие, совершаемое каким-либо лицом. Ср. также: *A ház felépítetett* (*Дом построен*) – *A ház felépült* (**Дом постройлся*); *A gyümölcs összerázódott a kosárban* – *Фрукты тряслись в корзине* (от тряски телеги) и *A gyümölcs összerázott* – *Фрукты тряслись* (потому, что их кто-то тряс). Тем не менее, констатирует Й. Балашша, иногда и в разговорном языке нельзя обойтись без страдательной глагольной формы, например, там, где говорящий не называет действующее лицо. Заменять в этих случаях страдательную форму возвратным глаголом недопустимо, как недопустимо употреблять вместо нее и деепричастную конструкцию. Поэтому, по мнению ученого, нельзя сказать **Egy hivatal egy másik házban helyeződött el* (дословно: *Учреждение поместилось в другом доме*), но нужно: *helyeztetett el* (*было помещено*) или, используя неопределенно-личную форму, *helyezték el* (*поместили*) [10, с. 276–277].

В большинстве случаев семантику, выраженную двучленной страдательной конструкцией, можно передать действительной, однако для этого говорящему придется эксплицировать имплицитный субъект. Ср.: *Megvizsgáltatott és helyesnek találtatott* (*Это изучено и признано правильным*) – *Megvizsgáltam és helyesnek találtam* (*Я изучил это и нашел правильным*) – *Megvizsgáltuk és helyesnek találtuk* – (*Мы изучили это и нашли правильным*).

Русским пассивным конструкциям participiального типа регулярно соответствуют венгерские деепричастные конструкции с семантическим объектом в качестве подлежащего и со связкой, которая выражается не только в прошедшем, но и в настоящем времени. В функции признакового компонента здесь употребляются деепричастия на *-va, -ve*: *Domашнее задание выполнено учениками* – *A házi feladat el van készítve a tanulók által / A házi feladatot elkészítették a tanulók által*; см. также: *A ház fel van építve* (*Дом построен*); *A ház fel volt építve* (*Дом был построен*). При этом будущее время здесь недопустимо: следует использовать личную форму соответствующего непереходного глагола: *Дом будет построен* – *A ház fel*

(*fog*) épül (-ni). Ср. с отсутствием подобного ограничения в пассивных партиципальных конструкциях русского и английского языков: *Дом будет построен* – *The house will be built*.

Таким образом, противопоставление залоговых форм достаточно отчетливо поддерживается в венгерском языке синтаксической оппозицией активная вербальная конструкция – деепричастная пассивная конструкция. Ср., с одной стороны, с английским языком, где подобная залоговая оппозиция (активная вербальная конструкция – пассивная партиципальная конструкция) – единственная, и с другой стороны, с русским языком, в котором категория залога опирается на более системное противопоставление актива двум формам пассива – синтетической (с глаголом на -ся) и аналитической (с краткой формой страдательного причастия). Например: *Дело решается* – *Az ügy intéződik* – *The case is being solved*; *Дело решено* – *Az ügy el van intézve* – *The case has been solved*. Следовательно, венгерский язык по количеству грамматических способов выражения пассивности (окказиональная синтетическая и более регулярная аналитическая формы) располагается между русским и английским языком [11, с. 135–140].

Еще одной особенностью венгерских конструкций с семантикой залога является отсутствие в них формы творительного падежа агенса, например: *A csomag persze össze van kötve* (*Сверток, конечно, перевязан*); *Mi ketten meg voltunk mentve* (*Мы двое были спасены*). В деепричастных пассивных конструкциях именами или местоимениями в форме аблатива (-tól, -től) или социатива (-val, vel), а также именами и местоимениями с послелогом *által* или послеложным местоимением с основой *által* выражается, как правило, не пассивный агенс, а инструмент / средство: *Lugasszerű zöld kerítéssel van körülvéve* (*Он обведен зеленым забором в форме беседки*); *A terrazon a márványasztalok vastag porréteggel voltak letakarva* (*На террасе мраморные столы были покрыты толстым слоем пыли*).

Кроме того, в сфере имплицитности агенса венгерский двучленный пассив конкурирует с неопределенно-личной конструкцией. В результате при переводе на месте русских двучленных партиципальных или вербальных пассивных конструкций в венгерском языке используются конструкции других типов:

а) вербальные конструкции с возвратной (непереходной) формой глагола: *Объявляется посадка на самолет Москва–Буданешт* → *Megkezdődik a beszállás a Moszkva – Budapest járatra*;

б) неопределенно-личные предложения: *Учитель уважаем* → *A tanárt tisztelik*; *Газеты продаются на углу* → *A sarkon árulnak újságot*; *В городе построено много новых домов* → *A városban sok új házat építettek*;

в) активные конструкции, в которых объект олицетворяется: *В этой статье пишется...* → *Ez a cikk itt azt írja...* (**Эта статья пишет...*).

Ср. конструкции с имплицитным пассивным субъектом в трех сопоставляемых языках: *Ручная кладь досматривается здесь* – *Hand luggage is examined here* – *A kézipoggyászt itt vizsgálják meg*.

В венгерском языке у залоговых конструкций отсутствует функция реализации актуального членения, имеющаяся у английского и (в меньшей степени) русского языков. Это объясняется тем, что порядок слов в венгерском языке менее свободен, чем в русском, но не так жестко закреплен, как в английском. В венгерском высказывании выделяемое ударением прямое дополнение и обстоятельство должны ставиться перед сказуемым. Вследствие этого русским и английским трехчленным пассивным конструкциям, как правило, соответствуют венгерские активные предложения с инвертированным порядком слов. Ср.: *Письмо пишется Петром* – *The letter is being written by Peter* – *Levelet Péter ír*; *Дом разобран каменщиками* – *The house was pulled down by the brick-layers* – *A ház a kőművesek által lebontott*.

Указанные межъязыковые расхождения в сфере категории залога имеют следствием трудности в практическом овладении венграми русским языком: «... в речи венгров, даже хорошо владеющих русским языком, возникают квазиправильные предложения: они могут написать целую книгу без единого русского страдательного оборота, вследствие чего этот текст будет отвергаться носителями языка как нерусский» [12, р. 147–149].

Таким образом, семантика залога как грамматической категории предложения в русском, английском и венгерском языках совпадает, а формы и их функционирование существенно различаются, что требует особого внимания при проектировании процесса изучения залога в курсе семантико-функциональной грамматики этих языков как иностранных, а также в практике перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Копров В. Ю.* Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков / В. Ю. Копров. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 348 с.
2. *Langacker R. W.* Foundations of cognitive grammar. Vol. I. Theoretical prerequisites / R. W. Langacker. – Stanford CA, 1987. – 550 p.
3. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1935. – 354 с.
4. *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.
5. *Poutsma H.* A Grammar of Late Modern English. Part I / H. Poutsma. – Groningen, 1926. – 540 p.

6. *Шальга А.* Венгерский язык в зеркале русского языка / А. Шальга. – Будапешт : Танкёвнвиадо, 1984. – 152 с.

7. *Болла К.* Курс современного русского языка / К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. – Будапешт, 1977. – 670 с.

8. *Дэжё Л.* Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение / Л. Дэжё. – Будапешт, 1984. – 264 с.

9. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык / К. Е. Майтинская. – Ч. 2. Грамматическое словообразование. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 226 с.

10. *Балашша Й.* Венгерский язык / Й. Балашша. – М., 1951. – 375 с.

11. *Копров В. Ю.* Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В. Ю. Копров. – Воронеж : Издатель О. Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

12. *Papp F.* The Russian of Hungarian people whose Russian is first-rate / F. Papp // *Contrastive studies. Hungarian – Russian.* – Budapest, 1984. – P. 139–154.

Воронежский государственный университет

Копров В. Ю., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов

E-mail: koprov@mail.ru

Тел.: 8 (473) 242-66-07

Voronezh State University

Koprov V. Yu., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian for International Students Department

E-mail: koprov@mail.ru

Tel.: 8 (473) 242-66-07